

А. И. КУЗЬМИНА, Э. Г. КИСЕЛЕВА (Новосибирск)

КАТЕГОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЧИСЛЕ СЕЛЬКУПСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

В селькупском языке есть большое количество слов, не имеющих формального показателя множественности; и все же множество здесь налицо: *hər* (Тым), *sər* (Кеть, Средняя Обь), *sjr, sgr* (Таз) 'снег'; *nor, nobə* 'варежки'; *qomde, qomdä* 'деньги'; *čab* (Тым); *tā-be, ta-be* (Кеть), *tāb* (Средняя Обь), *čā-pi, čā-pi, čo-pe* (Таз) 'листва, листья'; *nū-re* (Тым), *si-ppa* (Кеть) 'мошкара' и др. Особенность этих существительных, внешняя форма которых не обозначает ни единичности, ни множественности, состоит в том, что они отражают эти понятия попеременно и только из контекста можно понять, идет ли речь об одном или больше предметов, например: *o-kir pi-tča* 'одна щука'; *na to-kot wargawarye pi-tča* 'на этом острове живут большие щуки' (субъект и предикат в единственном числе). Каким же образом определить отношение множественности и единичности, свойственное таким существительным? Существующее в селькупском языке противопоставление 'один' — 'больше, чем один' свидетельствует о замене первичной антитезы и единства 'часть' — 'целое' антитезой 'единичное' — 'множество'.¹ Каким образом и насколько это переосмысление произошло в селькупском существительном, какое развитие получила вторая часть оппозиции и какие языковые средства используются для выражения новой, отвлеченной множественности — некоторые результаты изучения этих вопросов представлены в статье.

Собирательность как частный случай множественности особенно характерна для селькупских существительных. В селькупском языке существует лишь небольшая группа слов, в которых собирательность выражена суффиксально, например, в среднеобском и кетском диалектах суффиксом *-zaq, -zaŋ, -saq, -zaq*: *tidi-zaq* 'кедровник', *šu-ŋkšaq, šu-ŋkzaŋ* 'раkitник', *ū-tepižan* 'роща из тополей'; *nū-dzsaq* 'трава', *na-rkezaq* 'тальник'; *kwe-lzaqqin* 'по сосняку, в сосняке' и т. д. (В камасинском языке суффикс *-saŋ, -sāŋ, -zaŋ, -zāŋ* выступает как обычный показатель множественного числа).²

В большинстве случаев предметы, относящиеся к природе, не находят в селькупском языке специальных средств, подчеркивающих соби-

¹ А. Рифтин, Из истории множественного числа. — Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук, вып. 10, 1946.

² А. Кюннап, Показатели множественного числа имен существительных в камасинском языке. — СФУ III 1967, стр. 4; А. Schiefner, M. A. Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854, стр. 179; А. Кюннап, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I, Helsinki 1971 (MSFOu 147), стр. 34—35, 39.

рательность: *kara·čobij* 'клюква', *pō* 'дрова', *čab* 'листа' (Напас). Для того чтобы проследить развитие категории числа в языке, особенно важны именно такие случаи.

Основной формой собирательности в селькупском языке является единственное число. К функциям категории единственного числа относятся не только обозначение единичности, как чего-то противостоящего множеству, но и обозначение любого конечного множества, разрешается ли оно в сумме двух, трех или более единиц. Термин «единственное число» для селькупского языка чисто условен. При этом мы ориентируемся только на форму, которая скрывает за собой самые разнообразные значения множества, противостоящие значению отвлеченного, универсального множества.

Среди имен собирательных выделяем пять групп. К первой относятся существительные типа *nū-re* 'мошकारа', *nanka* 'комары', *qwät* 'рыба', *qiškal pōre* 'небесные звезды', *hwäšq* 'орехи, шишки' и др. Предметы и явления природы, обозначаемые ими, до сих пор воспринимаются как единство. Об этом говорит следующее: в селькупском языке достаточно хорошо развито согласование и глагол может отразить множественность субъекта, что обычно и происходит в других случаях, например: *tänd koza-rt ē-kumba-tet* (Тым; существительное и глагол согласуются во множественном числе) 'здесь мамонты были'. Имена типа *nū-re*, *hwäšq* не выражают множественность через глагол, они согласуются с единственным числом глаголов: *nankā-mazi-m ā-dze-špa* (Тым) 'комары меня кусают' (досл. 'комар меня кусает'). В словосочетании *hwäškap pu-zatgu* 'шелкать орехи' само значение указывает на многократность действия, однако существительное остается безучастным к выражению множественности. Примеры: *tj-ale waše-mbasurup* (Тым) 'птицы (ед. ч.) сюда летят (ед. ч.)'; *täpla-swäčqeqä-timbatet* (Кеть) 'они шишки (ед. ч.) сбивали'. Для выражения единичности предмета используется та же форма, но с добавлением слова или частицы, которые выделяют один предмет из множества: *o-kir pi-tča* 'одна щука', *na qum* 'этот человек'; *mi raja-ne mē-špatet čl-dep kazna pot* (Тым) 'мы с женой делали кузова (корзины из бересты) каждый год' (объект имеет форму единственного числа, хотя обозначает некоторое количество корзин, явно большее, чем одну); *o-kur čid na-gur salqwa* (Тым) 'один кузов — три рубля (целковых)' (*čid* 'кузов' имеет также форму единственного числа, но стоит с числительным 'один'). В приведенных примерах несмотря на тождество внешней формы как единичность, так и множественность незримо присутствует в словах; они расчленены и в мышлении и в языке и не тождественны по содержанию; для выделения единицы из множества не нужны особые языковые средства.

Вторая группа имен собирательных обозначает явления неживой природы: *čobur*, *to-bur* 'ягода', *čab*, *tāb* 'листа', *tū* 'огонь', *na-rya* 'тальник', *čū*, *tū* 'земля', *her*, *ser* 'снег', *nū-dža* 'трава, сено' и т. д. Собирательность в этих словах наиболее ярко выражена, так как эти предметы несчетные и воспринимаются как сплошная масса, нерасчлененное множество. Соотнесенность части и целого, единицы и множества в таких случаях исчезла. Чтобы выделить один предмет из всей массы вещества, используются специальные средства. В селькупском языке для образования сингулятивов применяется слово *saj* (Кеть), *haj*, *aj* (Тым), *sej* (Средняя Обь) 'глаз', *sa-jila* 'глазок', например: *čab — o-kur čabinaj* 'листа — листок', *qi-ška — qi-škahaj* 'звезды на небе, небосвод — звезд

да', *čo-bur* — *čo-birhaj* 'ягоды — ягода', *tü* — *tü-aj* (Тым) 'огонь — искра', *pö-ssaj* (Кеть) 'бусинка', *ü-tiṭsaj* (Таз) 'капля воды', *ko-ran sa-jila* 'песчинка', *ña-ñit sa-jila* 'крошка хлеба', *so-riṅtät sa-jila* 'дождевая капля', *ti-riṭ sa-jila* 'икринка' (*-la* — суффикс деминутива в тазовском диалекте). Аналогичный способ выделения единичного предмета можно отметить и в кетском языке, в котором сингулятивы от собирательных и вещественных существительных образуются при помощи сложных слов, где определяющим служит какое-либо вещество, а определяемым — существительное *diš, deš* 'глаз': *im* — *imdeš* 'орехи — орешек', *ul* — *uldiš* 'вода — капля воды', *ēl* — *ēldiš* 'ягоды — ягода'.

Сингулятивы могут образовывать формы множественного числа путем аффиксации и таким образом выражать отвлеченную, неименованную множественность: *qi-ška haj-la* 'звезды' (Тым), *ko-ras sa-jilmṭi* 'песчинки' (*-la* — суффикс множественного числа). *qi-ška* 'звезды' как нерасчлененное понятие согласуется с глаголом в единственном числе, а *qi-ška ha-jla* 'звезды', образованное как множественное число от сингулятива, согласуется с глаголом во множественном числе: *qi-ška* (*qi-škal pō-re*) *čē-ṭimba* 'небесные звезды светят' (субъект и предикат в единственном числе); *qi-ška ha-jla čē-ṭimindätet* 'небесные звезды светят' (субъект и предикат во множественном числе).

Категория единственного числа включает также группу слов, которые можно определить как обобщенно-собирательные. Эти слова, как и предыдущие, не оформлены в структурном отношении как множества, однако содержат высказывание о множестве предметов: *kan ṅeva-tē-ga ē-ja* 'зимой заяц (т. е. все зайцы) белый'; *swā kiḃa-jče as tūra* 'хороший мальчик не плачет'; *tumbunä-ka kiḃa-kana-kahe pü-nnat* (Тым) 'волчонок похож на щенка'. В приведенных примерах и подлежащее и сказуемое стоят в единственном числе. В конструкциях данного типа один из предметов (или лиц) представляет все ему равнозначные, поэтому высказывание, направленное на этого представителя, относится ко всем предметам или лицам.

Слова, обозначающие парные предметы, в подавляющем большинстве случаев также имеют форму единственного числа. Этот вид собирательности можно определить как конечное множество, состоящее из двух частей. Сюда относятся слова, обозначающие сложные, составные предметы: *toldž* 'лыжи'; *pömb, pömb* 'брюки', *pöc* 'сапоги', *nob* 'варежки'. Все названные существительные употребляются, как правило, в единственном числе, в редких случаях встречаются варианты во множественном или двойственном числе. Следовательно, представление о собирательном значении этих предметов еще прочно и устойчиво.

К этой же группе слов можно отнести названия частей тела, органов чувств у человека и животных; встречаются они чаще всего в личноподлежащей форме, например: *ha-jom* 'глаза (мон)', *tob* 'ноги', *tu* 'крылья' (Тым); *tat sa-jil kenan ē-ṅa* 'твои глаза больны трахомой' (Таз), *tabinnan ha-jde čüza* (Тым) 'у нее глаза болят', *kolđa-sa sajom* (Тогур) 'глазам моим щекотно'. Для обозначения одного из предметов, входящих в парное единство, используется без изменения та же форма, что и для всего единства в целом: *tab ma-zik palgildža qō-vek* 'он меня ударил по уху'.

Интересно отметить, однако, что в некоторых говорах название одного из парных предметов образуется путем подстановки слова 'половина' перед названием парного предмета: *peläl sa-jisä ma-nṅitraq* (Таз) 'одним глазом (букв. 'половиной глаз') смотрю я'. (Ср. венг.

szem 'глаза', *felszem* 'глаз' (букв. 'половина глаз'); монг. *nidün* 'глаза', *örögei nidün* 'один глаз'.)

К четвертой группе собирательных существительных относятся слова (чаще всего в лично-притяжательной форме), тоже обозначающие части тела, органы чувств у человека и животных с той лишь разницей, что конечное множество разрешается в сумме большей, чем две единицы, хотя нельзя говорить о бесконечности этого ряда, например: *o-ldę* 'волосы (его)', *tiwo-t* 'зубы (ее)', *tü-jat* 'волосы (ее)'. Все относящиеся к этой группе существительные сочетаются с глаголом в единственном числе: *ara-nnan o-ldę qo-jeremba* 'у старика волосы поседели'.

Последняя группа существительных, относящихся к категории единственного числа, — т. н. *singularia tantum*. Это существительные, обозначающие явления природы, и существительные отвлеченного значения, например: *tę-tit* 'солнце', *qā-dak* 'иней', *sārrot* 'дождь', *me-ryę* 'ветер', *laqqā* 'работа', *i-tisan* 'жизнь', *o-rum* 'сила', *tā-in* 'ум' (тв. пад.), которые не способны принимать форму множественного числа вне зависимости от контекста.

В селькупском языке можно выделить только два способа передачи двойственного числа. Один из них — посредством конструкций, состоящих из двух существительных, соединенных союзом 'и' или находящихся в подчинительной связи друг с другом: *ād i āut* 'отец и мать', *ād i-ndeze* 'отец с сыном'. Двойственность этого типа выражается через глагол, который принимает окончание двойственного числа. Субъект такого типа сложен, каждое из составляющих стоит в форме единственного числа. Однако отмечено несколько случаев, когда одна из частей сложного субъекта имеет форму двойственного числа: *iliza-q varkiza-q ā-ra pa-jas i q* 'жили-были (дв. ч.) муж с женой'. Другой способ образования двойственного числа служит для обозначения любых двух предметов. Существительное при этом принимает форму двойственного числа, а если перед ним стоит числительное 'два', то показатель двойственного числа суффикс *-qi* (*-q*, *-γ*, *-χ*) не обязателен.

Двойственное число в большинстве селькупских диалектов не связано с понятием «парности» и не является особым видом собирательности. Оно обозначает два разнородных предмета и ограниченную множественность. Само по себе оно двоичности не показывает; последняя выражается контекстом или числительным. Подтверждают это «неправильные», однако очень показательные случаи выражения двойственности существительных: *tōwaq šed kupt* 'пришли два человека', *ütčela ši-tāk i am-dizadi* 'дети двое сидели'. Существительные в этих примерах стоят во множественном числе, но ограничена множественность числительным 'два'. Таким образом, налицо описательное выражение двойственности: два из многих.

Наибольшее распространение имеет именительный падеж двойственного числа; из косвенных падежей зарегистрированы отдельные нерегулярные формы. Нередко двойственное число употребляется факультативно наряду с множественным, встречается непоследовательность согласования, например: *a-zit i it tō-mbaq* 'пришли (дв. ч.) отец и сын', *a-zit i it tō-mbatęt* (Тым, Киликенкин) 'пришли (мн. ч.) отец и сын', *ād i āut ū-bedžimba* (Средняя Обь) 'отец и мать отправились (ед. ч.)', *ā-sat it tū-ηgatęt su-rujku* (Кеть) 'отец и сын пошли (мн. ч.) охотиться', *ši-ti quma-qi ni ηga-qi kit ka-niqin* 'два человека (дв. ч.) стоят (дв. ч.) у реки', *quma-qij tā-nis e-γa* (Таз, Тол, Пур) 'люди (дв. ч.) умные (дв. ч.)'. Таким образом, морфологическая неразвитость

двойственного числа, факультативность его употребления свидетельствуют о том, что двойственное число, оставаясь еще живой, действующей категорией, имеет явные признаки ослабления.

Показателями отвлеченной, абсолютной множественности являются суффиксы *-la* для южных диалектов (Кеть, Средняя Обь), *-t* (Тым), *-ti*, *-iti*, *-i* (Таз, для одушевленных), *-l+mi* (Таз, для неодушевленных предметов), *-n* (Ларьяк, Толька); например: *qum—qula* (Кеть) 'человек — люди', *adu-kka—adukkala* (Средняя Обь) 'дед — деды', *kana-η—kana-t* (Тым) 'собака — собаки', *i-mila—i-milaiti* (Таз) 'бабушка — бабушки', *a-laqo—a-laqclmi* 'лодка — лодки', *nāla—nā-laiti* (Таз) 'дочь — дочери', *qēqir—qēqirin* (Ларьяк) 'осетр — осетры'.

В тымском и среднеобском диалектах возможно факультативное употребление суффиксов *-t* и *-la* в качестве показателя множественного числа, например: *loḡa-t ~ loḡa-la* (Напас) 'лисы', *kība·mart ~ kība·marla* (Ласкино) 'дети'. Встречаются также контамированные формы множественного числа, в которых употребляются одновременно оба суффикса — и *-t*, характерный для северных диалектов, и *-la*, свойственный южным диалектам: *kība·ma·rlat* (Мумышево) 'дети'. В кетском диалекте *-t* появляется очень редко, например: *qut ~ qu·la* (Карелино) 'люди'.

В употреблении множественного числа можно наблюдать некоторые ограничения: факультативность (наряду с единственным числом и реже — двойственным), зависимость от категории одушевленности (собираемость — в пассивном классе и множественное число — в активном), недостаточно развитая по сравнению с единственным числом падежная система. Однако в настоящее время в результате укрепления контактов с русскими и возникновения двуязычия у селькупов собираемость в селькупском языке отходит на задний план. Формы множественного числа используются свободнее, исчезают древние ограничения их употребления. Отмечается все большая грамматикализация категории множественного числа, все большая ее формализация. Отвлеченная множественность развивается и в собирательных существительных, относящихся к природе.

Средства выражения множественности развиваются в селькупском языке от аналитических (синтаксических, позиционно-лексических) к морфологическим. Синтаксические и лексические способы отображения множественности живы и устойчивы на севере, где более устойчивы категория двойственного числа и логическое согласование существительных с количественными словами. В южных диалектах значительно развита категория отвлеченного множества, она занимает очень важное положение в системе образования форм множественности существительных.

A. I. KUZMINA, E. G. KISELEVA (Novosibirsk)

CONCEPTUAL CATEGORY OF PLURALITY AND ITS REFLECTION IN NUMBER IN SELKUP NOUNS

The categorial forms of number — singular, dual and plural — are regarded as partial cases reflecting the category of plurality/singularity in Selkup. The reflection of plurality in different groups of Selkup nouns is shown.

Alongside of special morphological means expressing the opposition 'one' : 'more than one', certain archaic ways of plurality expression, notably a well-developed system of collective nouns, are still active and productive in Selkup, particularly in the northern dialects.

There are two groups of collective nouns, whose form expresses neither singularity

nor plurality. In these nouns the meaning of quantity belongs to the thing itself (to the referent) and hence requires no special morphological expression. Plurality in these nouns is expressed analytically.

The dual in nouns is active in Selkup though the scarcity of morphological means, the optimal character of expressing it alongside with the plural, and the inconstancy of agreement testify to the weakness of this categorial form.

At present, as a result of Russian influence, there is a marked increase in the grammaticalization of the plural in its formalization.

Hence the means of plurality expression in Selkup are developing from analytical to morphological.